

50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира»: приоритеты и пути их реализации. Алматы; КИСИ, 2006. С. 22.

4. Кошелев В.К. Проблемы непрерывного образования и их решения по пути экологизации общества и экономики // Материалы международной научно-практической конференции «Казахстан: конкурентоспособность и модернизация». Алматы, 2006. С. 368.

Резюме

Мақалада «экологиялық қауіпсіздік» категориясына деген көзқарастар жүйеленген және зерттелген. Қазіргі кезде Қазақстан Республикасының қауіпсіздік мәселелері өте маңызды. Экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз

ету – біздің мемлекет саясатының жоғарғы мақсаты.

Summary

The article is devoted to the interpretation of the definition of ecological security and its connection with the state policy. Nowadays the problem of providing of ecological security is one of the main important questions in the policy of Kazakhstan. The article gives the estimation of the contemporary conditions of deceiving this question.

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева Поступила 20.08.07г.

М. С. БАЙКАДАМОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ, ЕГО ПРИЗНАКИ И КАТЕГОРИИ

Несмотря на то, что лингвистика текста в последние десятилетия XX века становится одной из магистральных областей языкознания, до сих пор еще недостаточно четко выясненным является проблема соотношения текста и дискурса. Эти понятия смешиваются, так как «дискурс» весьма часто понимается как результат коммуникативного процесса. Текст также рассматривается многими исследователями как результат процесса коммуникации субъектов общения. Так, М. М. Бахтин определяет текст «как результат деятельности текстообразующего конкретного продуцента, направленный на конкретного реципиента или на социумно однородную группу реципиентов» [1]. Если придерживаться данного определения, то нельзя увидеть разницу между текстом и дискурсом, так как оба эти понятия предстают как результаты текстообразующей деятельности коммуникантов. На наш взгляд, следует разграничить эти понятия. Дискурс выступает как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивном и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [2, 75]. Такое определение дискурса означает, что, с одной стороны, прототипический характер коммуникации обнаруживается в соотносении с конкретными моделями текстопорождения и восприятия: текст функционирует как представитель определенного типа текста. С другой стороны, коммуникативная

деятельность и продукты этой деятельности – тексты соотносятся с определенной ментальной сферой, сосредоточивающей в себе соответствующее знание.

Дискурс в этом случае понимается как единица операционального анализа, позволяющая установить как различные компоненты коммуникативного процесса (автор сообщения, адресат, интенция), отражается во внутритекстовой организации и обуславливает в ней специфическую упорядоченность языковых единиц и структур. Н. Д. Аругюнова, изучая дискурс как единицу операционального анализа определяет его как «речь, погруженную в жизнь» [3].

Дискурс в таком понимании не подменяет «текст». Он, обозначая коммуникативный и ментальный процесс, приводит к образованию определенной формальной конструкции – текста.

Вместе с тем следует учитывать и второе определение дискурса, согласно которому он представляет собой комплексную взаимосвязь многих текстов, функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы. Дискурс предстает как совокупность текстов, коррелирующих друг с другом. Во втором понимании дискурс предстает как совокупность тематически соотносенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, а интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов [2, 76].

Дискурс как совокупность текстов продуцируется коллективным субъектом, в роли которого могут выступать социальные институты, партии, движения. И в этом случае можно говорить об институциональном дискурсе. Институциональный дискурс и следует рассматривать как результат процесса понимания и говорения множества лиц, обобществленный в речевой деятельности и оставляющий след в языке. Индивидуальный дискурс участников коммуникации не может входить в контакт с общественным, поэтому должна быть опосредующая система, позволяющая выдержать постепенность перехода от простого к сложному. Такой системой может быть речевая деятельность множества говорящих, в ходе актуализации которой обобществляется индивидуальная речевая деятельность говорящих, их диалект. Институциональный дискурс и представляет собой результат политического общения множества субъектов политической коммуникации. Е. И. Шейгал именно в таком плане и понимает институциональный дискурс [4].

Анализ данных двух основных направлений дискурса позволяет отметить их непротиворечивость, так как они способствуют раскрытию сущности понятия «дискурс» с разных сторон. Во-первых, как условия успешной коммуникации, понимаемого как производство и восприятие сообщений вообще. Дискурс в этом случае понимается как конкретное коммуникативное событие, осуществляющееся в соответствии с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими факторами, с целеустановками субъектов коммуникации, способствующими определенной упорядоченности языковых единиц. Во-вторых, как совокупность текстов на основе учета разных характеристик дискурса можно дать ему следующее определение: дискурс – это упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка субъектами какой-либо сферы деятельности, обменивающимися информацией с целью репрезентации своей социально-культурной ментальности и оценки объекта мысли.

Текст – это языковой материал, складывающийся вследствие опредмечивающей деятельности коммуникантов в речевой деятельности, оставляющей след в языке. Это словари, произведения художественной литературы. Л.В.Щерба в своем учении о трех аспектах речевой деятель-

ности, включающих в себя речь, языковой материал и языковую систему, рассматривал текст как «языковой материал, порождающийся в процессе коммуникации, и как след речевой деятельности коммуникантов». Согласно его динамической концепции, текст – языковой материал не как нечто стабильное и неизменное, а как явления, существующее в процессе коммуникации, т.е. в процессе порождения и восприятия, ибо, несмотря на принципиальную ненаблюдаемость этих процессов, этапы порождения текста присутствуют в нем в виде некоторых следов процессов, способствовавших возникновению текста-продукта [5].

Текст в языке выступает как языковой материал, из которого абстрагируются или, по выражению Л. В. Щербы, выводятся языковые единицы: фонемы, морфемы, слова, предложения, рассматриваемые в качестве объекта исследования [5]. Этот языковой материал рождается в процессе коммуникации, поэтому наиболее верным определением текста можно считать дефиницию текста, данную И. Р. Гальпериным: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств, объединенных разными титрами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку)» [5]. Основными его признаками являются категория: а) отдельности; б) коммуникативности; в) интеграции; г) связности (когезии); д) цельности; е) информативности.

И. Р. Гальперин выделяет ряд «классических» текстовых категорий, применительных к разным типам текста. К ним относятся следующие категории: 1) связность; 2) структурность; 3) цельность; 4) модальность; 5) функционально-смысловой тип [6].

Политический текст представляет собой разновидность текста общелитературного языка, выделяясь рядом своих лексических, грамматических, стилистических, структурно-семантических и логико-композиционных особенностей. Политический текст – это текст, функционирующий в сфере политики; 2) текст, обладающий

определенной тематикой, связанной с различными политическими вопросами; 3) текст, создаваемый человеком, занимающимся политической деятельностью; 4) текст, имеющий, как правило, коллективного автора и множественного адресата; 5) текст, нацеленный прежде всего на воздействие на людей для получения конкретного результата.

Рассмотрим некоторые признаки политического текста. Одним из таких признаков является структурность. Структура политического текста выражает отношения, существующие между частями (элементами, единицами) данного объекта. В многоуровневой организации политического текста могут быть выделены различные элементы и различные отношения между ними. В зависимости от соотношенности единиц текста к его теме, композиции или по содержанию можно выделить тематическую, композиционную (логико-композиционную) и содержательную (смысловую, предикативную стороны).

Тематическую структуру политического текста образует предмет изложения, рассмотренный с той или иной степенью детализации.

Предмет изложения в нем – это повестка дня, проявляющаяся во включении нужных политических вопросов в центр общественного внимания. Поскольку раскрытые сущности явления, процесса или понятия требуют выделения и описания отдельных содержательных характеристик объекта, то требуется найти подтемы текста. Е. И. Мотина определяет подтему текста как часть темы, которая «отличается от последней либо более узким аспектом рассмотрения того же объекта, либо рассмотрением одной из частей данного объекта при сохранении общей направленности изучения» [6, 13].

Логико-композиционная структура политического текста отражает последовательность расположения смысловых блоков в тексте. Для политических текстов характерны типизированные схемы расположения содержательной информации, которые определяются жанровой принадлежностью (список, слог, паблик-релейшинг, политическая программа, политическая реклама, обещания, интервью, выступление лидера и т.д.).

Основные письменные жанры политического языка имеют определенный, свойственный им порядок расположения смысловых частей текста и стандартный набор языковых средств оформ-

ления, переходов от одной содержательной части к другой. Многие жанры строятся по схеме: введение – основная часть – заключение.

Структура содержания политического текста отражает смысловые связи и отношения, которые устанавливаются между понятиями, явлениями, предметами реального времени, отображенными в тексте в виде единиц разных уровней. Однако совокупность языковых значений еще не образует содержание текста, так как содержание – это категория психолингвистическая и представляет собой мыслительное образование, возникающее в интеллекте человека в процессе осмысления текста. А. И. Новиков определяет содержание текста как «семантический комплекс, который возникает в мышлении автора в соответствии с замыслом, целями, условиями коммуникации и понимается адресатом в результате декодирования языковых выражений, посредством которых он был задуман в тексте» [8, 111].

Содержание политического текста в связи с нетождественностью языка политических текстов обыденному языку отличается прежде всего смысловой неопределенностью. Такая смысловая неопределенность создается изменением соотношения между означающим и означаемым, при котором единицы хорошо знакомого языка получают несколько необычную интерпретацию, а хорошо знакомые ситуации подводятся под несколько неожиданные категории: вещи «перестают называться своими именами» [9]. В политическом тексте может присутствовать некоторый неэксплицитный смысл, отличный от буквального и, быть может, прямо противоположный ему. Часто считается, что этот самый неэксплицитный смысл и есть «истинный смысл» политического текста [9].

Смысловая неопределенность способствует манипулированию над общественным сознанием, так как благодаря неопределенности можно приглушить неблагоприятную информацию, вуалировать ее. Б. А. Ахатова утверждает, что политики используют неопределенные выражения с размытой семантикой и абстрактные фразы с целью скрывать свое незнание или неинформированность для того, чтобы никто впоследствии не мог воспользоваться их слабостью, доказать их несостоятельность в определенном вопросе или обвинить во лжи [10, 49].

Вторым признаком политического текста является связность. Связность – это формально-

структурная синтаксическая организация текста, имеющая эксплицитные лексико-грамматические способы выражения, с другой стороны – как «отражаемое, переживаемое или создаваемое речью объединение фактов, явлений и т.д. в одно замкнутое целое» [11, 59].

Связность понимается также как «способность текста удерживать предмет обсуждения и, поворачивая его разными сторонами, плавно переходить от одного предмета к другому» [12, 20].

К средствам связи относятся: 1) лексические средства (полные, синонимические, контекстуальные, перифрастические и другие повторы местоименные субституции); 2) лексико-грамматические (союзы, союзные слова, вводные конструкции); 3) грамматические (видоизмененные формы глаголов, порядок слов, синтаксический параллелизм).

Отдельно можно указать и такой вид связи, как когезия. А. Юрьев утверждает, что ассоциации тоже могут служить средствами связи отдельных частей, следующих одна за другой, а также расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Такие средства связи называются когезиями [13, 12].

Следующая черта политического текста – цельность. Цельность – это психолингвистическая категория, возникающая в процессе осознания и понимания текста как результата аналитико-синтетической деятельности реципиента [14].

Цельность текста создается за счет того, что в процессе коммуникации автор реализует определенную цель, которая состоит в том, чтобы обеспечить максимальное совпадение авторского содержания с возникающим у читающего образом содержания текста. Вот именно это содержание, возникающее в психике человека, неосознаваемое, полностью динамическое представление можно определить как цельность [15, 21-22].

Политический текст без цельности теряет смысл. Экспликации цельности подчиняются все языковые средства текста. В цельности аккумулируется процесс понимания текста, процесс перехода от внешней формы текста к внутреннему содержанию.

Таким образом, анализ политического текста и дискурса показывает как их близость, так как дискурс – это совокупность текста, но и различие, так как дискурс рассматривается в первую очередь как коммуникативное событие, осуществляющееся под влиянием определенных факторов, способствующих упорядочению языковых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир. М., 1999.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
7. Мотина Е.И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М., 1988.
8. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
9. Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. 1986. М., 1987.
10. Ахатова Б.А. Политический дискурс и языковое сознание. Алматы: Экономика, 2006.
11. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979.
12. Метс Н.А., Митрофанова О.Д., Одинцова О.Д. Структура научного текста и обучение монологической речи. М., 1981.
13. Юрьев А.Н. Русский язык. Типы и стили речи. Алматы, 2005.
14. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. М., 1979.
15. Сахарный Л.В. Предметная рубрика как вид текста // Предметный поиск традиционных и нетрадиционных ИПС. Вып. 7. Л., 1987.

Резюме

Саяси дискурс пен саяси мәтіннің айырмашылықтары және өзгешеліктері көрсетілген.

Summary

This article is investigated the and differences of politic discourse specific.

Университет «Туран-Астана»,
г. Астана

Поступила 4.09.07г.